

Маленький чекист

Только что отгрохотали взрывы. Очередная бомбёжка принесла Воронежу новые разрушения и человеческие жертвы. Переждав налёт в подвале разрушенного здания, взвод чекистов возобновил движение. Младший лейтенант Арефьев получил задачу занять оборону на улице Степана Разина и прикрыть подступы к Чернавскому мосту. Командир вёл бойцов к новому оборонительному рубежу.

Красноармейцы не узнавали знакомых кварталов. К прежним разрушениям прибавились новые. Извилистая тропка, петлявшая между глыбами железобетона и горами щебня, то и дело прерывалась новыми нагромождениями. Там, где нельзя было обойти препятствия, бойцы, помогая друг другу, прокладывали новую тропку.

Так они вышли к небольшому скверу.

На развилке улиц Степана Разина, Цюрупы и Сакко и Ванцетти, чуть ниже Манежной площади, чекисты стали занимать оборону в одном из опустевших каменных домов. В это время они услышали песню. Звонкий мальчишеский голос, видимо, в такт шагам, выговаривал:

Но, пульей вражеской сражённый,
Допеть до конца не успел!

Песня раздалась совсем рядом. Из-за угла соседнего здания вышел мальчик и, увидев людей, оборвал её. Мальчик был невысокий, худой, в сером пиджаке с чужого плеча. Русые, выгоревшие на солнце волосы вихрами торчали на непокрытой голове. Увидев красноармейцев, мальчик рывком выхватил из кармана штанов гранату-лимонку, строго спросил:

– Кто такие?

– Ершистый! – усмехнулся красноармеец Письменный. – Ты, сынок, уברי-ка эту штукину от беды подальше. Гранатами не играют. А кто мы, видишь сам.

– Многие теперь своими объявляются. Я утром видел, как на улице Карла Маркса свои своих окружили и такую перепалку устроили, что не разбери-поймешь. А потом выяснилось: переодетые фашисты хотели наших побить. Только сами же и полегли трупами. Может, и вы такие «свои»?

Однако мальчик уже понял, что имеет дело действительно со своими, и спрятал лимонку в карман.

– Как зовут? – спросил Арефьев.

– Слава. Фамилия Алексеев.

– Куда же ты идешь, Слава?

– А никуда. С вами буду бить фашистов.

Бойцы окружили мальчика, стали расспрашивать его. Слава недавно окончил семь классов, ему четырнадцать лет. Отец погиб на фронте в первые дни войны. Мать неделю назад попала под бомбёжку, сгорела вместе с домом. Слава чудом уцелел, успев укрыться в подвале. С тех пор и скитается по городу.

– Живу сам по себе, – сообщил он.

Бойцы, нахмутив брови, слушали мальчика. Перед ними был один из многих сирот Воронежа. Сколько таких ребят, живших «сами по себе», видели за последние дни бойцы! Многим они помогли эвакуироваться на восток. Но Слава был из тех, кто не желал покидать родного города.

– Я все равно не уйду на левый берег. Разрешите остаться у вас, товарищ младший лейтенант, – обратился он к Арефьеву. – Буду помогать вам подносить патроны, ходить в разведку. Я умею бросать гранаты, стрелять из винтовки.

Арефьев ещё не решил, как быть с подростком, когда у Петровского сквера вспыхнула перестрелка.

– По местам! – скомандовал он. Бойцы кинулись к своим позициям. Юркнул куда-то в развалины и Слава.

Перестрелка приближалась. Два бойца, ходившие в разведку, прибежали с докладом:

– Полк оставил Петровский сквер. Бой идёт и Первомайском саду, и у мединститута. В нашу сторону свернула большая группа немецких автоматчиков.

Новость была неприятной. Командир 233-го полка конвойных войск НКВД майор Д.М. Якубенко лишь на всякий случай выделил взвод Арефьева для прикрытия Чернавского моста. Майор полагал, что в этом направлении будут отходить и другие подразделения. Но теперь получалось так, что полк отступал вдоль проспекта Революции на северную окраину города, а взвод Арефьева оказался отрезанным от главных сил.

– Выходит, что, кроме нас, теперь некому защищать Чернавский мост, – сделал вывод Арефьев. – Что ж, будем стоять насмерть.

Вскоре разгорелся бой. Чекисты удерживали дом, в котором закрепились, более часа и отразили две атаки гитлеровцев. Слава тоже участвовал в этом бою. Он уже обзавёлся автоматом и, перебегая от окна к окну, строчил из него по фашистам.

Но вот гитлеровцы подобрались совсем близко, почти окружили чекистов. Надо было уходить. По приказу Арефьева бойцы стали пробираться к соседнему дому.

– Надо чуть ниже! – подскочил к младшему лейтенанту Алексеев. – Там каменный трехэтажный дом, очень удобный для обороны. Там жили наши знакомые, я в нём ночевал эту ночь. Я проведу бойцов.

Взводный одобрительно кивнул головой и вместе со Славой побежал через двор.

Дом, указанный Славой, был действительно удобен для обороны. Он был старинной кладки, из красного кирпича. Деревянные постройки вокруг сгорели, что обеспечивало хороший обзор. Бойцы быстро заняли круговую оборону, взяли под контроль все ближайшие развалины. И когда гитлеровцы приблизились, то сразу же попали под огонь пулемётов, автоматов и винтовок.

– А ты, Слава, молодец, понимаешь толк в тактике! – похвалил Алексеева замполитрука Кондаков.

В тактике уличного боя Слава, конечно, ничего не понимал. Но он знал: теперь уже до самой реки на улице Степана Разина нет более прочных домов.

Как ни пытались фашисты, а подобраться к дому близко не могли. Тогда они подтянули пулемёты, стали бить по окнам и дверям. Однако и это не помогло. Не сумев взять дом силой, враги начали хитрить.

– Вы окружены, сдавайтесь! – то и дело кричали они на ломаном русском языке.

В ответ гремели выстрелы. Одного из таких «крикунов» подкараулил Слава. Он заметил, как из-под разрушенной стены приподнялся толстый гитлеровец и стал

что-то кричать. Славе подумалось, что именно этот толстяк убил его отца. И такая злость взяла его, что он обрушил на неосторожного гитлеровца длинную очередь.

Укрываясь за развалинами, фашисты всё ближе подбирались к дому. В окна то и дело влетали пули. Младший лейтенант приказал бойцам перебраться на второй этаж. Сам он ещё некоторое время оставался внизу с тремя красноармейцами.

С высоты второго этажа Слава увидел, что со стороны Малой Чернавской гитлеровцы подтягивают пушку.

– Пушка – это плохо, – сокрушенно покачал головой взводный и приказал всем перебраться на третий этаж.

Немецкие артиллеристы открыли огонь. Дом задрожал, снаряды пробивали стены, рвались в комнатах нижнего этажа. Повис на железной арматуре сбитый снарядом балкон. После этого немецкие автоматчики ринулись на штурм. В них полетели гранаты. Враги отхлынули. Но ненадолго. Поняв, что чекисты находятся на верхнем этаже, гитлеровцы стали осторожно подкрадываться к дому. Они хотели отрезать красноармейцам все пути к отступлению, а потом взять их измором.

Взвод оказался в тяжелом положении. Оставался один путь – спуститься вниз и прорываться к реке с боем. В этот момент и подсел к Арефьеву Слава.

– Надо забраться на чердак, потом на крышу и по водосточной трубе спуститься во двор, – подсказал он. – Мы, ребяташки, всегда так уходили от «врагов», когда играли в войну.

Младший лейтенант воспользовался советом юного воронежца. Пока гитлеровцы рушили снарядами стены дома, красноармейцы перебрались на чердак, вышли на крышу. Вслед за Славой они спустились по водосточной трубе в глухой маленький дворик, а потом незаметно перебежали к другому зданию, где снова заняли оборону. Когда гитлеровцы разобрались, что атакуют пустой дом, ярости их не было предела. Строча из автоматов, поливая свинцом каждую развалину, они кинулись вниз по улице. Потом наткнулись на чекистов и снова завязали бой.

Так почти весь день 9 июля 1942 года взвод младшего лейтенанта Арефьева вёл неравный бой на улице Степана Разина. Отступая от дома к дому, чекисты все ближе подходили к реке. Они несли потери, но и врагам было несладко. Около каждой оборонительной позиции красноармейцев гитлеровцы оставляли десятки трупов своих солдат.

Вечерело, когда остатки взвода Арефьева под напором фашистов вынуждены были покинуть последний дом, стоявший на углу улиц Степана Разина и Пролетарской. За спиной чекистов оставался только Чернавский мост. Три дня тому назад он был взорван, и теперь его развалины стали последним рубежом обороны взвода Алексея Арефьева. Собственно, взвода уже не было. От него осталось меньше половины, но все бойцы были полны решимости биться до конца, чтобы не открыть врагу путь в левобережную часть города.

Здесь, у развалин Чернавского моста, взвод Арефьева провел свой последний бой. Он был упорным и кровопролитным. Когда кончились патроны и гранаты, Алексей Степанович Арефьев повёл красноармейцев в рукопашную. В последней схватке у моста было уничтожено сорок гитлеровцев. Но и наши все погибли.

«О гибели взвода Арефьева доложил мне Слава Алексеев, – читаем мы в воспоминаниях полковника в отставке Д.М. Якубенко. – Парень оказался смышлённым, он хорошо знал город и попросился в полковую разведку. Мы оставили Алексеева у себя».

Как же уцелел в последнем бою Слава?

Оказывается, о нём позаботился Арефьев. Он приказал Славе переправить на левый берег реки тяжелораненого красноармейца и доложить в штаб полка о действиях взвода. Перебравшись с раненым по развалинам моста через реку Воронеж, Слава укрылся в ближайшей воронке. Он видел, как младший лейтенант Арефьев повел семерых оставшихся с ним бойцов в последнюю смертельную схватку.

Штаб 233-го полка НКВД Слава разыскал поздно вечером на станции Отрожка. После боя в центре города и на проспекте Революции полк отошёл к стадиону «Динамо», потом к Отрожским мостам. Но на другой день подошло подкрепление, и наши части повели наступление на северную окраину города. Вместе со стрелками и танкистами чекисты выбивали фашистов из городского парка культуры и отдыха, со стадиона «Динамо». Был в этих боях и Слава. Теперь он был одет в красноармейскую форму, числился сыном полка и бойцы называли его юным чекистом.

Чекист – звание почётное, гордое. Каждый боец НКВД отличался высоким боевым мастерством и смелостью. В этом Слава убедился на примере младшего лейтенанта Арефьева и бойцов его героического взвода. Такими же были и однополчане Арефьева, новые товарищи Славы Алексева. Они стойко бились с превосходящими силами гитлеровцев на улицах Воронежа за каждый дом и этаж. Фашисты ненавидели бойцов НКВД, называли их «большевистскими фанатиками» и боялись даже раненых, если на них была форма войск НКВД. Гитлеровцы знали, что даже смертельно раненные чекисты не выпускали из рук оружия и способны с последним ударом сердца дать очередь из автомата.

Первое время Слава действовал под руководством оперуполномоченного отдела Смерш полка старшего лейтенанта госбезопасности И.И. Головина.

– А что такое Смерш? – спросил у Головина Слава.

– Расшифровывается просто – смерть шпионам. Это значит, что ни один вражеский лазутчик не должен проникнуть в наши ряды. В то же время мы должны знать намерения противника, численность его войск, расположение его огневых средств. Одним словом, разведка. Только более тонкая.

И Игнат Иванович посвятил Славу в тайны вневойсковой разведки, дал советы, как следует вести себя в кварталах, занятых врагом, что говорить при встрече с гитлеровцами.

По зданию Головина юный чекист переодевался в гражданскую одежду и уходил к центру города. Возвращался он всегда с ценными сведениями об оккупантах. Приходилось Славе ходить в тыл врага и с полковыми разведчиками, не раз выполнял он задания и командира полка.

Это он, Слава, разузнал, что в одном из подвалов сельскохозяйственного института, захваченного фашистами, ютятся семьи преподавателей, не успевшие эвакуироваться. Когда наши выбивали фашистов с территории СХИ, Слава предупредил бойцов, чтобы они не стреляли в сторону подвала, и провёл к нему взвод.

Позже, когда полк наступал на Воронеж вдоль железнодорожного полотна, Слава пробрался к глубокой балке, где в водосточной трубе прятались жители, и от них узнал, что в железнодорожной будке немцы устроили засаду. Эти данные очень пригодились отделению сержанта Порфирия Петренко. Чекисты незаметно

подобрались к будке, окружили её. Вся вражеская засада была уничтожена, а один фашист захвачен в плен. Слава не участвовал в этой операции, однако вместе с бойцами отделения Петренко получил благодарность.

– В этом есть и твоя заслуга, – сказал ему командир полка Якубенко, обняв юного чекиста.

Вскоре бои развернулись на улицах Рабочего класса, Калинина, Революции, Обороны. Карт не хватало, а без них трудно было разобраться в путаных улицах и переулках, застроенных частными домами, многие из которых сгорели или были разрушены снарядами. Слава знал эти места как свои пять пальцев, поэтому его часто посылали в разведку. Он умел незаметно прошмыгнуть мимо немецких наблюдателей и часовых и доложить об обстановке в неприятельском стане. Или также незаметно провести в тыл врага взвод или роту чекистов, которые потом бросались в атаку на позиции гитлеровцев с самого уязвимого направления.

В тех боях чекистов часто поддерживали тяжёлые танки КВ 475-го батальона Героя Советского Союза майора И.И. Маковского. Танкисты-москвичи совсем не знали Воронежа, и Слава не раз был у них проводником. Он взбирался на броню, садился около люка механика-водителя и показывал ему дорогу. Особенно сдружился Слава с экипажем Героя Советского Союза младшего лейтенанта Михаила Серебрякова. До того, как стать танкистом, Серебряков служил в частях НКВД и продолжал считать себя чекистом.

– Мы, Слава, оба с тобой чекисты, и пусть враг не ждёт от нас пощады, – говорил он своему юному другу.

Тяжёлые бои шли на окраинах Воронежа, но Слава не роптал на трудности, не жаловался на усталость. Немного соснув, где придется, перехватив что-нибудь из котомки бережливого солдата, он снова был полон энергии. Этого подвижного мальчишку любили все воины полка НКВД и танкисты батальона Маковского, берегли от пуль в горячих схватках с врагом.

Но война есть война, она не щадит ни старого, ни малого. Не пощадила она и маленького воронежского разведчика. В одной из атак Слава вызвался быть проводником роты танков. Он, как обычно, занял место на лобовой броне головного КВ около люка механика-водителя. Танк рванулся в переулок, пересёк двор, вышел на улицу Калинина. За ним следовали другие машины. Слава знал, где находятся вражеские орудия, и вел колонну в обход их.

Фашисты обнаружили наших танкистов, когда было уже поздно. Батарейка была расстреляна в упор, а потом и смята бронированной колонной. Атаку танков дружно поддерживали стрелки-чекисты. Наши продвинулись вперед и выбили гитлеровцев из двух кварталов.

И вот уже в самом конце боя вражеский снаряд угодил в башню машины, на броне которой находился Слава. Брызнули осколки. Сражённый насмерть, мальчик сполз на люк и замер.

В бою за родной город погиб Слава Алексеев. Погиб, как солдат, с автоматом в руках, с гранатами на поясе.

Очень хочется верить, что когда-нибудь одна из новых улиц Воронежа, которые ныне прокладываются на местах былых сражений, станет носить имя отважного юного чекиста.

Публикуется по: Герои в красных галстуках. – Воронеж, 1974 (<http://lib.rus.ec/b/449123/read>)